

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВАЯ КНИГА ПО ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РЕЧИ*

Рецензируемая книга представляет собой редко встречающийся опыт соединения принципов фундаментального научного исследования с решением злободневных задач повседневности, в частности, понимания и интерпретации современного политического дискурса. Изложенные в ней результаты анализа, методологические основания их получения, разработанный авторами методический аппарат, насыщенные тонкими наблюдениями и аргументированными умозаключениями комментарии увлекут заинтересованного читателя новизной, в ней он ощутит движение научной мысли, расширяющей горизонты нашего знания, встретит эвристическую подсказку как отклик на собственные размышления, столкнется с идеями, способными вызвать желание в чем-то подискутировать с авторами. Кто же этот “заинтересованный читатель”, внимание которого обязательно привлечет монография? Прежде всего это психолог, ибо методологические принципы исследования выстроены на оригинальной психологической теории природы речи; это лингвист, которого привлечет в данной работе нетривиальная трактовка теории речевых актов, новый поворот в анализе и интерпретации политической метафористики, своеобразный ракурс в изучении языка СМИ; и это, естественно, политолог, которому книга не только откроет “интенциональное лицо” (т.е. совокупность не всегда явно выраженных мотивов и намерений) того или иного политического деятеля, партийного объединения или печатного органа, но и вооружит его отточенным исследовательским инструментом, позволяющим препарировать дискурс и воссоздавать политическое лицо говорящего, делая подчас явным тайное; наконец, это философ, который занимается проблемами мышления и речи и ищет ответ на сакраментальный вопрос: как бестелесная мысль субъекта превращается в материальный (физический, физиологический) процесс работы артикуляторных и других двигательных органов человеческого тела, производящих речевые звуки, слова, выразительные движения, как слова превращаются в дела.

Эти вопросы встают уже в первой, теоретической главе, подготовленной Т.Н. Ушаковой: автор предлагает обратиться к конкретным разработкам психологической природы речи для того

чтобы понять: как мысль связывается со словом, а слова обретают действенную силу. Согласно предложенной ею теории, уникальная способность человека пользоваться речью и языком предстает как естественная функция психики, данная нормальному ребенку от рождения. В этой связи автор приводит свои исследования очень раннего, предречевого момента развития младенца.

Эти исследования показывают, что тенденция к выявлению внутренних психических состояний посредством движений, в том числе и звукопроизводящих органов, проявляется уже у новорожденного. Спонтанность проявляется в речи и много позднее, когда ребенок уже достаточно хорошо владеет языком, что обнаруживается в эгоцентрической речи и детском словотворчестве. Ушакова предлагает гипотезу, объясняющую круг этих явлений, и рассматривает описываемый механизм как всеобщий в речевой деятельности детей и взрослых.

Упомянутые здесь идеи и подборка фактов представляют большой интерес в контексте неоднократно поднимаемого в науке вопроса о врожденности речевой способности. Эта тема обсуждалась с давних времен, в наши дни интерес к ней возродился в связи с высказанным Н. Хомским суждением о врожденности “фиксированного ядра языка”. Слабой стороной его утверждения остается, однако, недостаточная конкретность понятия “языкового ядра”, на что в дискуссии с ним указал Ж. Пиаже. Ушаковой делается важный шаг вперед в понимании того, какие врожденные свойства детской психики минимально достаточны для ее способности к языковому развитию.

В субъективном плане психическая речевая активность трактуется ею как речевое намерение, интенция. В то же время в интенции отражается содержательная сторона вызвавшего ее психического состояния. Тем самым интенция выявляет субъективную семантику говорящего. Это дает основание подойти к теоретическому вопросу о связи речи с мыслью, к пониманию характера субъективной семантики субъекта. Данный тезис весьма существенен в контексте крупных проблем, связанных с природой лингвистической и психологической семантики.

По мысли Ушаковой, интенциональные направленности, начиная с примитивных детских форм, проходят в течение жизни большой путь развития. Речь и дискурс, построенные на основе

* Рец. на кн.: Слово в действии. Интен-анализ политического дискурса // Под ред. Т.Н. Ушаковой и Н.Д. Павловой. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 316 с.

социально адаптированных интенций, приобретают порой сложную, “многослойную” и многоуровневую структуру. Именно эти формы высокоорганизованной социально ориентированной речи подверглись обстоятельному анализу в рецензируемой книге. Рассматривая речь как интенционально направленный процесс, авторы находят в нем проявление внутренних психологических состояний говорящего субъекта: его видение мира, впечатления, эмоции, т.е. в широком смысле – сознание. Через выявление их интенциональных составляющих возникает возможность связать речь с психическим миром субъекта, находящегося в различных социальных ситуациях и взаимодействиях.

Заслуживает внимания методическая сторона проведенных исследований. Для изучения интенционального аспекта речи используется новый психологический метод, получивший название “интент-анализ”. Он является психосемантическим, оценивающим, и имеет задачу выявить целевую направленность элементов анализируемых текстов, дискурсов. Адекватность применения данного варианта психосемантической процедуры авторы усматривают в самом устройстве языка, подчиняющемся принципу выражения и восприятия семантики, язык организован таким образом, чтобы выражать интенциональные направленности.

Само название метода, как можно заключить из данного исследования, а также других публикаций авторского коллектива, возникло как противопоставление и развитие широко известного метода контент-анализа. Он приложим к когнитивному уровню, т.е. позволяет реконструировать “картину мира” говорящего; сферой его действия является ментальность, связанная с прагматическим уровнем языковой личности, или “прагматиконом”, отражающим текущее ментальное состояние, определяемое ее мотивами, интересами, оценками, идеалами, намерениями и целями, т.е. интенциями. Картина мира и менталитет субъекта (или индивида, социальной группы, этноса, нации) соотносятся, видимо, так же, как язык и речь. Прибегнув к несколько рискованному способу образного воплощения соотношения этих понятий, можно сравнить “картину мира” с театром, включив в этот образ само здание, устройство зрительного зала, сцену, кулисы, а также постоянный состав труппы, главного режиссера и излюбленный репертуар. Тогда “менталитету” в этой образной модели соответствовали бы конкретный спектакль со своими декорациями, определенным составом исполнителей, данным контингентом зрителей и их реакцией на постановку. При всей уникальности театрального зрелища его ментальная модель складывается из стереотипных компонентов двух родов – элементов картины мира, составляющих в данном случае “те-

атр”, и интенций труппы, постановщика, зрителей конкретного спектакля.

Из столь же стереотипных компонентов складывается, как показывают авторы книги, ментальность политика, вовлеченного в конфликтный дискурс. Состав этих интенций остается одним и тем же независимо от продуцента анализируемого дискурса, – будь то Анпилов, Руцкой, Шахрай или Макашов, – меняется лишь удельный вес той или иной интенции в дискурсах разных авторов.

Метод интент-анализа позволяет “реконструировать психологический подтекст, выявив не только то, что человек формально сказал, но и то, что он хотел сказать, т.е. мотив и цель его речи, определяющие ее “внутренний смысл” (с. 150). То есть, иными словами, он позволяет объективировать скрытые от непосредственного восприятия стороны речевого материала, дать ему количественную характеристику, выявить индивидуальные особенности говорящего субъекта и, наконец, помочь ему в оценке (и совершенствовании) своей речевой продукции. Результаты работы в предлагаемом направлении полезны для специалистов в области публичных отношений, могут найти применение в педагогике, психологическом консультировании, тренингах коммуникативных навыков, а также в политической психологии и политической герменевтике.

Во второй главе, также написанной Т.Н. Ушаковой, представлены данные интент-анализа конфликтных выступлений политиков нашей страны в 1993–94 гг. Это было время резких полемических выступлений Макашова, Руцкого, Дудаева, Анпилова и др. Анализ их печатных выступлений выявил скрытую интенциональную структуру по типу “конфликтного треугольника”. Выяснилось, что особенностью конфликтных обсуждений является доминирование в сознании говорящего трех видов объектов: а) оппоненты, б) говорящий и его сторонники, в) третья сторона (аудитория). Каждый из них связан со своей, специфической структурой интенциональных направленностей. Противника стремятся обвинить, разоблачить, дискредитировать. Себе и сторонникам дают позитивную оценку, выражают одобрение, отводят обвинения. Третью сторону то критикуют, то хвалят, аудитория также становится объектом побудительных воздействий. Хотя подобная интенциональная структура (“конфликтный треугольник”) является типовой для конфликтных выступлений, она имеет разную акцентуацию при разной степени агрессивности говорящего. Анализ “нагруженности” сторон треугольника позволяет судить о степени конфликтности ситуации, а также дает информацию об индивидуальных особенностях интенционального состояния и стиля коммуникации субъекта.

Последний аспект в демонстрационной форме раскрывается методикой “ментальных карт”, разработанной В.В. Латыновым. Основные объекты обсуждения и приписываемые им характеристики (дескрипторы) представляются в наглядной форме с помощью специальной процедуры, базирующейся на теоретической посылке, согласно которой каждый из участников конфликта имеет ментальную модель обсуждаемой ситуации. Эта модель находит отражение в эксплицируемом тексте. Степень подробности описания объекта служит характеристикой его значимости для субъекта. Тогда подсчет дескрипторов, т.е. количества упоминаний, относящихся к элементам текста, позволяет выделить основные обсуждаемые объекты и в свернутой форме представить главное содержание текста. Кодификация дескрипторов по параметрам оценки (“хороший–плохой”) и динамизма (“сильный–слабый”) позволила автору наглядно представить данные анализа в трехмерном пространстве, т.е. в форме ментальных карт. Эта процедура находится в согласии с разработками американского ученого Ч. Осгуда и его последователей в нашей стране. В рецензируемой работе подход использован для характеристики индивидуальной специфики выступлений, и для описания трансформации ментальных карт участников конфликта на разных этапах его развертывания.

В третьей главе представлены данные, относящиеся к изучению политических выступлений участников предвыборной президентской кампании 1996 г. Цикл исследований, осуществленный Т.Н. Ушаковой, В.А. Цепцовым и К.И. Алексеевым показал, что интенциональный состав такого рода текстов богаче и сложнее по сравнению с конфликтными дискуссиями, однако, имеет черты сходства с ними. Так, выяснилось, что в этих условиях значительный элемент интенционального содержания составляет направленность на анализ ситуации. Возрастает разнообразие выражаемых в текстах интенций, характерным становится размытое их проявление. Важному методическому вопросу о надежности экспертного оценивания интенций посвящен отдельный параграф, описывающий исследование Цепцова.

В специальном разделе рассмотрено исследование метафоры как средства обозначения интенций в тексте, проведенное Алексеевым. Опираясь на общую теорию метафоры и используя опыт изучения русской политической метафоры, автор рассматривает отдельно каждый из трех выделенных им типов метафор: а) выполняющих в тексте функции эмоционального воздействия и моделирования действительности; б) преимущественно эмоционального воздействия и в) преобладания функции моделирования действительности. Эта классификация добавляет новый штрих в изучение политической метафоры, а ее

приложение к конкретным текстам Лебеда, Бороваго и Зюганова позволило выявить предпочтительные метафорические модели каждого из политиков. Показана также тенденция к использованию метафор в политическом языке только для негативной характеристики и отрицательной оценки разных явлений политической жизни.

Предметом исследования четвертой главы книги, написанной Н.Д. Павловой, являются элементы интенционального содержания, связанные с текущим взаимодействием общающихся языковых личностей. На материале телевизионной передачи “Момент истины” автор обращается к интенциональной организации диалога в условиях непосредственного общения. Воссоздаются интенции коммуникантов, проявляющиеся в структуре общения, отстаивании занятой позиции, взаимоотношениях собеседников. Выясняется роль так называемых “диалогических интенций”, определяющих черты реализуемого поведения. Затем на модели предвыборных телевизионных выступлений анализируется роль диалогических интенций в опосредованном общении с массовой аудиторией. Получены убедительные свидетельства ведущей роли направленности на адресата в интенциональной структуре выступлений. Показано, что интенции скоординированы между собой и иерархичны, направленность на адресата составляет верхний уровень системы. Реконструированы индивидуальные интенциональные паттерны кандидатов в президенты. Глава насыщена интересным анализом текстового материала и предлагает много новых тактических шагов, исследовательских находок.

В пятой главе книги, написанной В.В. Латыновым, отражены результаты изучения методом интен-анализа системы социальных представлений, транслируемых отечественными средствами массовой информации. Описаны представления о социальной структуре общества и центральных институтах власти, содержащиеся в периодической печати. Показано, что газеты разной политической ориентации постоянно, с выраженной тенденциозностью представляют позитивно одни институты власти и социальные слои и негативно – другие. Выбор предпочтительных для того или иного органа печати объектов описания – социальных групп или институтов власти, а также присущих им характеристик – часто произволен, даваемые оценки не аргументированы. Рассмотрев специфические пристрастия “Российской газеты”, “Известий” и “Советской России” по материалам 1992–1996 гг., автор главы вполне естественно задается вопросом: внедряемые в массовое сознание социальные представления отражают или конструируют действительность? (с. 276). Для него самого этот вопрос остается риторическим, но читатель, подготовленный к ответу всем ходом анализа, остается в убеждении, что многие

социально-политические представления сегодняшнего дня, вырастающие из страхов, слухов, анекдотов, массовых заблуждений и поддержанные СМИ, имеют мифологический характер. В материалах этого раздела выражен объективный подход автора к анализируемым данным, стремление опираться на статистику. Весьма перспективен он и с точки зрения вхождения в область социальной психологии с арсеналом средств, разработанных в исследовательском коллективе.

В рецензируемой книге представлен богатый и разнообразный материал, развивающий избранную тему. Сам способ подачи материала, промежуточного обобщения данных и представления окончательных результатов эффективен, компактен и экономичен. Авторы широко используют приемы наглядности в изложении, прибегают к построению графиков, диаграмм, таблиц и схем, что не только облегчает восприятие содержания текста читателем, но также стимулирует его творческую энергию, побуждая к осмыслению авторского комментария и к интерпретации результатов, заключенных в графиках, диаграммах и таблицах.

Если в рамках рецензии применить предлагаемую в книге модель "конфликтного треугольника", то оказывается, что в нашем случае конфликта не получается, так как рецензент разделяет методологическую позицию авторов, являясь сторонником теории природы речи, развиваемой Т.Н. Ушаковой, ее последователями и соавторами. Однако как внимательному и заинтересованному читателю придется отметить некоторые неточности.

Так, на с. 42–43 для демонстрации приемов выявления интенций в тексте, приводится анализ выступления В. Анпилова, в котором выделяется всего два интенционально нагруженных момента

(глубокая озабоченность судьбой России и независимость позиции говорящего). На наш взгляд, при этом упускается из виду еще одна существенная интенциональная составляющая этого отрывка: говорящий апеллирует к тексту хорошо известной его слушателям песни и популярному имени любимого многими поэта, тем самым делая его своим сторонником, идентифицируя себя с ним и усиливая свою позицию. Этот интересный прием воздейственной интенции, на мой взгляд, важно учесть.

В разделе, посвященном метафорике, авторам словарей политических метафор (А.Н. Баранову и Ю.Н. Караулову) приписывается утверждение, будто "они ограничились анализом метафорических моделей "мертвых" метафор" (с. 130). На деле это не так, что разъяснено в предисловиях к словарям.

На с. 44 читателя отсылают к Приложениям 2 и 3, содержащим протокольные материалы интенционального анализа дискурсов. Однако приложений в книге нет. Очевидно, эта отсылка сохранилась по недосмотру, поскольку авторы исследования по завершении работы поняли, что в подобных приложениях нет нужды, и это отчетливо ощущает и читатель, которого увлекает и убеждает богатейший фактологический материал самого текста монографии, а специально проведенное испытание надежности разработанной методики (с. 109–125) не оставляет сомнений в основательности и точности результатов.

Ю.Н. Караулов,
член-корреспондент РАН,
профессор, доктор филологических наук,
Москва